

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ – ДИАЛОГ ТРЕХ КУЛЬТУР В ОЙКОНИМИИ НЕМЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КРЫМА

А.В. Ясыба

Статья посвящена одной из актуальных проблем настоящего времени – межкультурному общению представителей разных этносов в полиэтничном мире, нашедшему отражение и в топонимии. На материале комонимов – названий сельских поселений конца XVIII – первой половины XX столетия – изучаются взаимодействия немецкого, славянских, тюркских языков и культур в ойконимии немецких переселенцев Крыма. Определяется специфика становления топонимической системы немцев-колонистов, выявляются особенности функционирования названий немецких поселений под воздействием разных языков и культур, устанавливаются способы и особенности топонимической номинации народов, принявших непосредственное участие в формировании ойконимии немецких поселенцев Крыма.

Ключевые слова: межкультурное общение, коммуникация, диалог культур, немцы-переселенцы, географические названия, ойконимия, комоним, немецкие поселения, славянские и тюркские языки и культуры, взаимодействие, этнос, народ, национальность

Статья посвящена одной из актуальных проблем сьогодення – міжкультурному спілкуванню представників різних етносів в поліетнічному світі, яке знайшло відображення і в топонімії. На матеріалі комонімів – назв сільських поселень кінця XVIII – першої половини XX століття – вивчається взаємодія німецької, слов'янських й тюркських мов та культур в ойконімії німецьких переселенців Криму. Визначається специфіка становлення топонімічної системи німців-колоністів, виявляються особливості функціонування назв німецьких поселень під впливом різних мов й культур, встановлюються способи та особливості топонімічної номінації народів, що взяли безпосередню участь у формуванні ойконімії німецьких поселенців Криму.

Ключові слова: міжкультурне спілкування, комунікація, діалог культур, німці-переселенці, географічні назви, ойконімія, комонім, німецькі поселення, слов'янські та тюркські мови й культури, взаємодія, етнос, народ, національність

The given article is devoted to a topical problem of our time, i.e.: the intercultural intercourse among representatives of various ethnic groups in the poly-ethnic world. The intercultural intercourse is reflected in the toponymy. The research of the interaction of the German, Slavonic and Turkic languages and cultures in the German settlers' oiconymy in the Crimea is carried out on the material of commonyms – rural settlements' names of the 18-th – the first half of the 20-th century. The specific features of German colonists' toponymic system formation are determined. Functioning peculiarities of German settlements' names under the influence of different languages and cultures are revealed. Ways and means as well as the peculiarities of toponymic nomination of nations, which took an active part in shaping the oiconymy of German settlers of the Crimea, are singled out.

Key words: intercultural intercourse, communication, dialogue of cultures, German settlers, geographical names, oiconymy, commonym, German settlements, Slavonic and Turkic languages and cultures, interaction, ethnic group, nationality, nation

Стремление понять чужие культуры или их представителей, разобраться в культурных различиях и сходствах существует столько времени, сколько существует культурное и этническое разнообразие человечества [2, с. 140]. Сосуществование людей невозможно без стремления к согласию между культурами, которое может быть достигнуто только путем диалога между ними. В этом диалоге ни одна из культур не может претендовать на право исключительного голоса или единственно верного мирозерцания. Отношения между культурами должны строиться на принципах консенсуса и плюрализма. Реальным основанием для такого типа отношений служит наличие в каждой культуре позитивных общечеловеческих ценностей, которые можно использовать для межкультурного консенсуса [2, с. 94]. Культурный плюрализм предполагает овладение человеком ценностями еще одной культуры без ущерба для ценностей своей собственной, при этом ни одна культура не теряет своей самобытности и не растворяется в общей культуре [2, с. 95]. Диалог культур является предпосылкой успешного ознакомления с другими культурами, их понимания, осмысления и толерантности, а «толерантность по отношению к проявлениям чужой культуры – это основная предпосылка для мирного сосуществования различных народов» [11, с. 8]. Диалог культур необходим, поскольку чем глубже человек укоренился в «правильности» мышления, оценки и действий в рамках его собственной культуры, тем сложнее ему осмыслить образцы чужой культуры,

тем более выработать к ним толерантное отношение [11, с. 9]. Клаус Орт отмечает, что «знания о культуре собеседника – это существенный фактор, чтобы понять его» [11, с. 13], кроме того, изучение культурного наследия другого народа обогащает и собственную культуру, способствует расширению познания о ней. Таким образом, существование диалога культур является, по словам Е. А. Будановой, «важным условием протекания процесса познания мира, предполагающего отражение действительности во всех ее проявлениях» [1, с. 15-16].

Три основных компонента истории: время, события, люди – теснейшим образом связаны друг с другом. События развиваются во времени. Люди создают экономические и политические предпосылки различного рода коллизий, которые могут произойти не раньше и не позже определенного срока. Необходимость известных событий диктуется ходом истории, т.е. суммой указанных факторов. Но для ономастики важна не столько историческая динамика, сколько статика, остающаяся порой за рамками исторических описаний [7, с. 8]. Исторические события могут служить побудительными мотивами для создания ряда географических названий, но они редко связываются с именуемыми объектами прямой причинно-следственной зависимостью. Для топонимиста важно знать, какие «глубинные» слои населения представлены в изучаемом регионе, к каким языковым и профессиональным группам они принадлежали, какую религию исповедовали, поскольку все это может иметь непосредственное влияние на складывание топонимических систем [7, с. 7]. С помощью языка топонимов, как источника познания истории народа, можно получить ответы на самые разные вопросы, в частности на вопрос об этноисторических связях народа, об его культурно-историческом развитии, о своеобразии его быта и жизни, на вопрос о культурно-исторических влияниях народов и взаимодействиях их культур. По словам А. М. Селищева, «топонимия представляет собой один из ценнейших источников наших сведений по исторической этнографии и истории общественной и экономической жизни страны. Она может пролить яркий свет на историю этнических отношений в далеком прошлом, на миграцию народов и отдельных групп населения, на экономические и общественные отношения» [3, с. 63]. Чешский топонимист В. Шмилауер пишет: «... географические имена нельзя изучать в чисто языковом плане, наоборот, нужны и всесторонние сведения о носителях имен (объектах) и о тех, кто эти имена давал и употреблял» [3, с. 63].

По свидетельству этнографов, народ никогда не исчезает полностью. Даже при радикальных сменах народонаселения элементы языка и культуры предыдущих насельников сохраняются в языке и культуре последующих. Особенно это относится к топонимии, которая легче, чем общая лексика, заимствуется из одного языка в другой и может передаваться через посредников к народам, не имевшим прямых контактов с теми, кто создавал определенные географические названия [7, с. 8], поскольку ни одна культура не существует изолированно. В процессе своей жизнедеятельности она (культура) вынуждена постоянно обращаться или к своему прошлому, или к опыту других культур. Это обращение к культурам других народов и получило название «взаимодействие культур».

Взаимодействие культур играет жизненно важную роль для существования и развития культуры любого народа [2, с. 23-24]. В культурной антропологии эти взаимоотношения разных культур получили название «межкультурная коммуникация», которая означает обмен между двумя и более культурами продуктами их деятельности, осуществляемый в различных формах [2, с. 25]. Данное понятие было впервые сформулировано в 1954 г. в работе Г. Трейгера и Э. Холла «Culture and Communication: A Model and an Analysis» («Культура и коммуникация: модель и анализ»). Авторы впервые предложили для широкого употребления термин «межкультурная коммуникация». По их мнению, коммуникация отражает особую область человеческих отношений и является идеальной целью, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше и эффективнее адаптироваться к окружающему миру [2, с. 141]. С тех пор исследователи продвинулись достаточно далеко в теоретической разработке этого феномена. Несмотря на это, само понятие межкультурной коммуникации до сих пор вызывает множество споров и дискуссий в научной литературе и среди специалистов-практиков. Одной из главных причин многочисленных дискуссий и противоречий является разграничение многими учеными понятий «межкультурная коммуникация» и «межкультурное общение». Считаем необходимым проанализировать вышеуказанные понятия и выяснить, в чем именно состоит различие и есть ли между ними что-либо общее. В англоязычной лингвистической литературе термин «коммуникация» понимается как обмен мыслями и информацией в форме речевых или письменных сигналов, что само по себе является синонимом термина «общение». Общение, по мнению лингвистов, это актуализация коммуникативной функции языка в различных речевых ситуациях. В свою очередь слово «общение» обозначает процесс обмена мыслями, информацией и эмоциональными переживаниями между людьми. В таком случае действительно нет разницы между общением и коммуникацией [2, с. 99]. В психологической и социолингвистической литературе общение и коммуникация рассматриваются как пересекающиеся, но не синонимические понятия. Здесь термин «коммуникация», появившийся в научной литературе в

начале XX в., используется для обозначения средств связи любых объектов материального и духовного мира, процесса передачи информации от человека к человеку, а также передачи и обмена информацией в обществе с целью воздействия на социальные процессы. Общение же рассматривается как межличностное взаимодействие людей при обмене информацией познавательного и аффективно-оценочного характера [2, с. 99]. Существует точка зрения, что базовой категорией является коммуникация, которая между людьми протекает в форме общения. Но существует и противоположная трактовка соотношения понятий «общение» и «коммуникация», в которой основной категорией считается общение, а в структуре последнего выделяются коммуникация (обмен информацией), интеракция (организация взаимодействия и воздействия) и т.п. [2, с. 100]. Таким образом, понятия «общение» и «коммуникация» имеют как общие, так и отличительные признаки. Общими являются их соотнесенность с процессами обмена и передачи информации и связи с языком как средством передачи информации. Отличительные признаки обусловлены различием в объеме содержания этих понятий (узком и широком). Это связано с тем, что они используются в разных науках, которые на первый план выдвигают различные аспекты этих понятий. Следует отметить, что в данной работе не существует принципиального разграничения понятий «общение» и «коммуникация»: данные понятия мы считаем синонимами по отношению друг к другу, а также к такому понятию, как «кросс-культурная коммуникация».

Однако, говоря о топонимии, целесообразнее, на наш взгляд, использовать термин «межкультурная коммуникация», поскольку в данное понятие заложено обозначение средств связи любых объектов материального и духовного мира, каковыми можно считать и географические названия, ведь любое географическое название, как и любое слово, неразрывно связано с культурой создавшего его народа и культурой народов, в языки которых оно было заимствовано. В этом смысле едва ли можно найти географическое название, стоящее вне культуры. Топонимы сотнями незримых нитей связаны с культурной жизнью человека, поэтому каждый топоним может рассматриваться как культурный памятник своей эпохи [6, с. 165]. Говоря же о взаимодействии между представителями разных культур, мы говорим о межкультурном общении между разными народами, нациями, этносами.

Традиционно межкультурное общение принято трактовать как «общение носителей разных культур (и обычно разных языков)», а в конечном итоге – носителей разных национальных сознаний [8, с. 7]. Межкультурное общение – это совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам [2, с. 142]. При этом межкультурное общение «может проходить как обмен культурными предметами, деятельностью (точнее, в виде обмена способами осуществления деятельности, т.е. обмена операциями) и как обмен образами сознания, ассоциированными с конкретными словами...» [8, с. 9]. Такими словами, вобравшими в себя особенности культуры, мировоззрения и мировосприятия народа, его религиозные верования, специфику его быта и уклада жизни, являются топонимы, в которых полнее всего выражается сознание того или иного этноса. Все, что сделано человеком или имеет к нему отношение, является частью культуры [3, с. 101], и не случайно географические названия именуют яркими образцами народного творчества. Говоря о топонимической системе того или иного народа, правомерно говорить и о межкультурном общении между представителями разных культур, оказавших непосредственное влияние на формирование и функционирование географических названий. Внутри каждой сферы межкультурная коммуникация происходит на разных уровнях. Когда речь идет о так называемой межкультурной коммуникации, отраженной в топонимии, то на данном микроуровне коммуникация может быть названа межэтнической. Межэтническая коммуникация – это общение между лицами, представляющими разные народы (этнические группы). Совместное существование в рамках одного общества приводит к взаимному общению этих этнических групп и обмену культурными достижениями [2, с. 143].

Можно отчетливо представить, насколько ярко будут проявляться особенности и взаимовлияния разных языков и культур в топонимии, когда на одной территории сталкиваются и сосуществуют представители разных этносов, абсолютно отличных друг от друга. Таким образом, формирование топонимической системы того или иного народа под воздействием иных языков и культур является той основой, на которой строится в сознании каждого конкретного индивида диалог культур, поскольку опыт межкультурного общения начинается именно со столкновения с новой культурой и выливается в столкновение с собственным мировосприятием и умением правильно воспринимать культурные ценности другого народа, а «умение осознавать и принимать явления иной национальной культуры является важнейшим условием перехода личности на новый этап развития» [1, с. 23].

Чем больше различных языков и культур взаимодействуют при формировании и функционировании географических названий той или иной территории, того или иного региона, тем богаче и насыщенней является образованная топонимическая система. Особенно благоприятной почвой для формирования географических названий, вобравших в себя переплетение таких разных

языков и культур, как германские, славянские и тюркские, являлась территория Крымского полуострова. Этнический состав Крыма неоднократно менялся. В разное время на территории Крыма жило до 40 различных этносов, из них 15 достаточно крупных этнических образований, оставшихся там длительное время [7, с. 7]. В течение веков народы сменяли друг друга, оставляя следы в виде памятников культуры, по которым археологи восстанавливают хозяйство и уровень цивилизаций прошлых эпох. Но, помимо материальных памятников, народ – великий созидатель – оставлял и географические названия – своеобразные памятники устного творчества [5, с. 24]. Смешение языков и культур народов Крыма особенно ярко отразилось в названиях населенных пунктов представителей разных национальностей; в частности в названиях сельских поселений немцев-колонистов четко прослеживаются взаимодействия немецкого, тюркских и славянских языков, взаимосвязи таких, на первый взгляд, разных культур. Исследование влияния славянских и тюркских языков и культур на становление ойконимии немецких переселенцев Крыма **актуально** в свете развития темы языкового и культурного взаимодействия в полиэтничном пространстве, а также продиктовано необходимостью тщательного исследования ономастикона всех народов, в частности малых этнических групп, для которых сохранение своего культурного наследия и родного языка является особенно важным. В наши дни являются также особенно **актуальными** исследования языка и культуры сельских жителей, так как в условиях урбанизации, промышленного развития и экономического кризиса острата необходимость и потребность в сохранении, изучении и переосмыслении богатого наследия традиционной народной культуры – базовой основы всякого национального возрождения.

Для многих исследователей, работающих в области ономастики, важным является вопрос, насколько велика может быть степень адаптации географических названий к условиям жизни и сознанию представителей иной национально-культурной общности в процессе формирования и функционирования данных названий в условиях взаимодействия абсолютно разных языков и культур, насколько позитивным может быть межкультурное общение между представителями разных национальностей и как оно (общение) проявляется в формировании топонимической системы того или иного народа. Комонимы – названия сельских поселений немцев-колонистов Крыма, возникшие в XVIII – начале XIX вв. и существовавшие на территории полуострова до первой половины XX столетия, являются прямым доказательством того, что межкультурное общение как диалог культур между представителями разных национальностей находит свое непосредственное позитивное отражение в формировании топонимической системы немецких переселенцев.

На основании изученных этнографических, исторических и географических карт, исторических документов, архивных материалов городов Украины и Германии, списков населенных пунктов, работ отечественных и зарубежных авторов нами установлено, что на территории Крыма в период конца XVIII (с 1787-1788 гг.) – первой половины XX столетия (30-е – 40-е гг.) существовало 182 немецких поселения (колонии, села, деревни, хутора), которые и послужили **объектом** данного исследования. **Цель** настоящего исследования – изучение взаимодействия и взаимовлияния немецкого, славянских, тюркских языков и культур в немецкой ойконимии Крыма в процессе межкультурного общения между разными народами. **Задачи** исследования заключаются: 1) в определении специфики формирования топонимической системы немцев-переселенцев под воздействием языков и культур других этносов; 2) в выявлении особенностей функционирования названий немецких поселений в условиях взаимодействия немецкого, славянских, тюркских языков и культур; 3) в установлении способов и особенностей топонимической номинации у разных народов. Изучение ойконимии немцев-переселенцев Крыма с позиции межкультурного общения проводится впервые, в чем и состоит **новизна** данного исследования.

На территории Крыма столкнулись два мира: оседлый и кочевой – с их традициями, обычаями, менталитетом и особенностями культур. Обратим внимание на некоторый параллелизм культурной и языковой принадлежности населения: оседлые жители – представители главным образом индоевропейской языковой семьи, кочевники – преимущественно урало-алтайской. Необходимо учитывать также и разное видение именуемых объектов людьми, ведущими кочевой или оседлый образ жизни. Большинство ойконимов тюркского происхождения восходит к генонимам и этнонимам, поскольку присваивание географическим названиям родов, поколений, их подразделений, названий этнических групп, племен и т.п. – особенность, свойственная кочевым народам, так как при переходе к оседлому земледелию необходимо было показать собственность рода на земельные угодья, пастбища, выделить территорию, принадлежавшую своему роду, из числа прочих, принадлежавших другим родовым подразделениям того же племени или вообще чужим племенам [7, с. 92-93]. При переходе кочевых народов к оседлости земельные наделы закреплялись за отдельными родами, а от имен родов стали образовываться названия угодий, а позже – и поселений [6, с. 86-87]. Тюркское население Крыма рано перешло к оседлости. Неизбежно следующая за этим изменением хозяйственного уклада утрата родовой организации привела к забвению родовых имен,

давших основу для наименования многих оседлых поселений [6, с. 87-88], названия которых впоследствии были перенесены на немецкие поселения и закреплены за ними. Большинство названий немецких поселений тюркского происхождения восходят, без сомнения, к генонимам и этнонимам: *Абаклы, Адаргин, Барин, Курк, Конград, Кудайкул, Месит, Монай, Мурзалар-Кемельчи, Огуз-Тобе, Отар, Отеш, Отар-Мойнак, Отуз, Сая, Ширин, Собак-Эли, Табуалды, Таймаз, Тарханлар, Темир, Темеш, Терекли-Шейх-Эли, Тотанай, Узбек, Чолбаши, Чучкара* и др. В условиях оседлой культуры в топонимах славянского происхождения обычно отражались имена отдельных людей: *Анновка, Даниловка, Ивановка*; имена/фамилии знаменитых людей: селение *Александровка* было названо в честь Александра I, в правление которого (1801-1825 гг.) оно и было создано. В названиях немецкого происхождения *Alexanderheim, Alexandertal* также выявляется данный способ номинации.

Большим многообразием способов номинации характеризуются поселения с немецкими названиями. Многие названия немецкого происхождения являлись перенесенными с тех мест, откуда прибыли поселенцы. Колония *Zürichtal* (от названия города *Zürich*) была основана переселенцами из Швейцарии. Представляет трудность определение способов номинации таких названий, как *Bergental, Bergstadt, Ebenfeld, Grüntal, Heilbrunn, Kronental, Rosental, Schönbrunn, Schönfeld, Siebenbrunn, Wasserreich*. В названиях *Bergstadt, Bergental, Siebenbrunn, Wasserreich* запечатлены природные особенности степного Крыма (дословно: *Горный город, Горная долина, Семь источников, Полноводное/Многоводное*). Не исключено, что названия подобного рода являются полностью мотивированными, т.е. это названия с так называемой «классической топонимической номинацией», отражающие особенности местности [10, с. 98]. Однако в топонимии Германии существует много подобных топонимов, поэтому из-за отсутствия необходимых подробных карт местности достаточно сложно выяснить, были ли эти названия созданы переселенцами осознанно, с учетом природных особенностей, или же они (названия) были перенесены с тех мест, откуда прибыли колонисты.

Некоторые поселения именовались по именам первопоселенцев или именам/фамилиям владельцев хуторов: *Anita, Annafeld, Franzfeld, Johannsfeld, Johannruhe, Prinzenthal*. В названиях с инициальными компонентами *Marien-* (от имени *Marie* и *Maria*) немцы-католики запечатлели имя Девы Марии, чей культ имеет ведущее значение в католичестве: *Marienruhe, Mariental*. Названия поселений *Brudertal* ('*der Bruder*' – брат) и *Schwestertal* ('*die Schwester*' – сестра) могут указывать на то, что это были поселения меннонитов, поскольку роль общины, где все называли друг друга братьями и сестрами, была главенствующей в данном религиозном течении. Такие названия, как *Herrendank, Herrenhilfe* (в данном случае значение слова '*der Herr*' – Господь), также связаны с религиозными верованиями немцев (ср.: устаревшее: '*der Herr des Himmels!*' – Господи Боже!). В этих названиях выражается благодарность Господу за оказание милости на чужой земле и надежда на его помощь. Названия *Freudental, Friedenstein, Friedental, Hoffnungsfeld, Hoffnungstal* были связаны с надеждой переселенцев на новую лучшую мирную жизнь ('*die Freude*' – радость, удовольствие; '*der Frieden*' – мир; согласие; покой, спокойствие; '*die Hoffnung*' – надежда). Название *Neuhoffnungstal* можно перевести как *Долина новой надежды*. Данное название не является «созданным по-новому», т.е. вторым после уже существующего поселения *Hoffnungstal*, на что указывает слитное написание названия (в противном случае написание было бы *Neu – Hoffnungstal*).

При основании немецких поселений либо сохранялось первоначальное тюркское название (*Абаклы, Аджу-Ахмат, Ак-Шейх, Курк, Копан, Сая, Султан-Сарай, Тихоголь, Челеби-Эли, Чолбаши*), либо, наряду с исконно тюркским названием, появлялось и существовало впоследствии новое – немецкое: *Friedensstein* (*Мамбет-Аджу*), *Heilbrunn* (*Темеу-Эли*), *Herrendank* (*Темеу*), *Neudorf* (*Ислам-Терек*), *Rosental* (*Шабан-Оба*), *Schönfeld* (*Колтомак*), *Schwestertal* (*Джага-Алике*), *Wasserreich* (*Керлеут*), *Westheim* (*Куляр Кипчак или Кулар-Кипчак*), что свидетельствует о толерантности немецкого населения по отношению к культуре и языку другого народа, выраженной в названиях поселений. Одним из доказательств толерантного отношения немецкого населения к культурному наследию других народов является ойконим *Bergstadt* с его параллельными названиями *Криничка* и *Кояш-Кангил*. В процессе номинации новых поселений немцы сохранили также названия славянского происхождения, о чем свидетельствуют названия двух немецких поселений *Анновка* и их параллельные тюркские названия *Карагач* и *Чая*.

Некоторые названия представляют собой составные комонимы (так называемые комонимы-гибриды), состоящие из двух слов, одно из которых немецкого происхождения, другое – тюркского/славянского: *Ной-Баяут, Ной-Таганаши, Ной-Теленжи, Ной-Ивановка*. Немецкий компонент *Neu-* (*новый*) в этих названиях указывает на то, что данные поселения были созданы недалеко от уже существующих либо были созданы немецкими переселенцами на месте опустевших татарских поселений «по-новому» [9, с. 368; 10, с. 97]. Однако более глубокий анализ показал, что часто некоторые, на первый взгляд смешанные названия, например, такие, как *Schleich-Elli*, не являлись таковыми. Из-за неправильного восприятия немцами фонетического строя незнакомого

языка и неправильной записи названий возникали недоразумения. Нередко простые объяснения немецкого населения таили ошибки, которые возникли в результате переосмысления тюркского названия по внешнему созвучию. Тюркское *Şeyh* было записано как *Schleich* (ср.: нем. *'der Schleicher'* – *проныра, подлиза, лицемер*), *Esen-iki* – как *Essen-Ecke* (тур. *'esen'* – *здоровый, в добром здравии; мирный, спокойный, 'iki'* – *два*; нем. *'das Essen'* – *еда, пища, 'die Ecke'* – *угол*), что привело к полному переосмыслению этих названий [10, с. 97]. Но такое явление можно объяснить не попыткой немцев проигнорировать чужую культуру, а скорее их желанием приспособить те или иные названия к своему родному языку, что было связано с незнанием тюркских языков, затруднениями при восприятии и произношении названий, незнакомых немецкому населению.

Адаптация иноязычных названий может происходить только в определенных исторических условиях. Сохранение старых иноязычных названий на какой-либо территории возможно только при условии, если старое население целиком или в значительной части остается на своей территории, сохраняя тем самым преемственность в передаче топонимики, хотя бы оно само (население) и претерпело полную этнографическую трансформацию, в том числе полную смену языка [3, с. 80]. В данном случае тюркское население пребывало в меньшинстве, что было связано, прежде всего, с интенсивной заменой татарского населения русским после 1783 г. и с массовым переселением татар с 1784 по 1862/1866 гг. Что же касается сохранения большого количества названий тюркского происхождения переселенцами в своей ойконимии, то это свидетельство толерантности немецкого населения; записи в метрических книгах и документах, составленные немецкими чиновниками, являются тому прямым подтверждением.

Нами было установлено, что, несмотря на присвоение поселениям новых, немецких названий, старые (тюркские) названия были сохранены и функционировали на протяжении существования поселений наравне с немецкими – как среди немногочисленного местного населения, так и среди – самих поселенцев. Лишь небольшое количество поселений имело только немецкие названия; в основном это были дочерние колонии, образованные на свободных землях: *Hoffnungsfeld, Schönbrunn, Schönfeld, Wasserreich, Westheim*. Многие названия тюркского происхождения были полностью заменены на немецкие; в основном это были названия первых официальных колоний, образовавшихся в самом начале переселения немцев: *Friedental, Neusatz, Rosental, Heilbrunn, Herzenberg, Zürichthal*. Однако позднее большинству немецких поселений были возвращены первоначальные тюркские наименования, и во многих письменных источниках многие немецкие колонии, села, деревни фигурировали впоследствии уже с параллельными названиями: *Neusatz (Чукурча), Rosental (Бурунча), Heilbrunn (Темеи-Эли)* и др. Таким образом, немецкие переселенцы сберегли в неприкосновенности абсолютное большинство исторических топонимов Крыма тюркского происхождения, что, вероятно, и продиктовано стремлением носителей абсолютно других – христианских традиций – сохранить религиозную, а значит, и культурную и языковую независимость тюркских народов.

Выводы.

Комонимы немцев-переселенцев Крыма (табл. 1) являются своеобразным подведением итогов проведенного исследования. В данной таблице наглядно показано соотношение названий поселений немцев-колонистов в зависимости от принадлежности этих названий к разным языкам. Языковое происхождение комонимов отображено в соответствии с тремя типами их образования, приводятся статистические данные о количестве названий (абсолютное количество: далее в таблице абс., процентное соотношение), а также подаются некоторые примеры.

Таким образом, на основании проведенного исследования делаем выводы общего характера: 1. Топонимическая система немцев-переселенцев Крыма формировалась в прямом взаимодействии с ойконимами тюркского и славянского происхождения. 2. Существование параллельных и смешанных (гибридных) названий свидетельствует о позитивной межкультурной коммуникации между представителями разных культур. 3. Влияние тюркских языков при формировании ойконимии немцев-колонистов было доминирующим (71,4% – комонимы тюркского происхождения). Наблюдения показывают, что тюркские названия ярко отражают особенности культуры тюркских народов; несмотря на длительное функционирование в полиязычном, полиэтничном окружении, традиционная тюркская культура обнаруживает устойчивость своего этнического своеобразия, оказывая большое влияние на национальное и языковое самосознание ее носителей и представителей других национальностей, о чем и свидетельствует наибольшее количество названий тюркского происхождения, сохраненных в ойконимии немецких переселенцев. 4. Основные линии топонимической номинации, идущие от самих свойств объекта и от человека и его деятельности, в условиях оседлого и кочевого образа жизни получают неодинаковое развитие. 5. В способах номинации поселений проявляется отражение особенностей культур народов, эти поселения создавших. Разным народам свойственно отображать в названиях своих поселений разные элементы своей культуры, о чем свидетельствуют названия, восходящие к генонимам и этнонимам, у тюркских народов, названия, восходящие к антропонимам, у

славянского населения, названия, восходящие к антропонимам и топонимам, у немцев. Следует отметить, что мотивация при именовании поселений отантропонимическими названиями отличалась у представителей разных этносов: названия немецкого происхождения – это имена первопоселенцев, имена/фамилии владельцев хуторов, имена святых; названия славянского происхождения были связаны в основном с именами знаменитых людей.

Таблица 1. Комонимы немцев-переселенцев Крыма

№ п/п	Тип образования: языковое происхождение комонимов	Количество		Примеры
		абс.	%	
1.	Простые названия (одноязычные):			
	тюркские	130	71,4	<i>Абаклы, Айтуган, Отар, Отеш, Омуз, Сая, Темир</i>
	немецкие	16	8,8	<i>Franzfeld, Herzenberg, Johannruhe, Mariental</i>
	славянские	4	2,2	<i>Александровка, Даниловка</i>
	всего	150	82,4	
2.	Параллельные названия:			
	немецкое+тюркское	25	13,8	<i>Heilbrunn (Темеш-Эли)</i>
	славянское+тюркское	2	1,1	<i>Анновка (Карагач), Анновка (Чая)</i>
	немецкое+славянское+тюркское	1	0,5	<i>Bergstadt (Криничка, Кояш-Кангил)</i>
	всего	28	15,4	
3.	Смешанные названия (двуязычные):			
	немецко-тюркские	3	1,7	<i>Ной-Баяут, Ной-Таганаш</i>
	немецко-славянские	1	0,5	<i>Ной-Ивановка</i>
	всего	4	2,2	
	ВСЕГО	182	100	

Тем самым можно говорить о том, что топонимы очень ярко отражают контакты между представителями разных национальностей: территориальные соприкосновения приводят к более или менее тесному взаимодействию культур, что с неизбежностью находит свое выражение в языке. Свообразным зеркалом взаимодействий становятся имена собственные, фиксирующие особенности географического положения занимаемых этносом территорий, специфику быта, уклада жизни, мышления, психологии, менталитета соседствующих народов. В конечном счете это отображение в языке того, что исторически предопределило такую сложную ситуацию в лексической системе немецкого, славянских, тюркских языков в Крыму. И это отображение того, что объединяло различающиеся этносы, проживающие на одной территории. История становления географических названий отражает развитие человеческого познания и эволюцию отношения человека к внешнему миру, естественному, созданному природными условиями, и социальному, образованному в результате взаимодействия различных общественных институтов [6, с. 164].

Исследование взаимодействия культур в ойконимии немецких переселенцев Крыма свидетельствует о том, что содержание и результаты межкультурных контактов между представителями разных культур во многом зависят от способности их участников понимать друг друга и достигать согласия, которое определяется этнической культурой каждой из взаимодействующих сторон, психологией народов, уважительным отношением к другим культурам. А «познания о своей собственной и о чужой культуре ведут к снижению агрессивности между людьми и, как следствие, к более мирному сосуществованию» [11, с. 13]. И только в сравнении культур можно вскрыть различия и научиться их понимать. Как, например, изучение иностранных языков учит нас знать больше о родном языке, так и понимание чужих культур способствует расширению познания о нашей собственной культуре [11, с. 13]. «Интегрируя в чужое.., человек глубже изучает и понимает собственную культуру, специфику менталитета, системы ценностей и т.д., обычно незаметные и з н у т р и, вне сравнения с ч у ж и м» [4, с. 65].

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в более подробном изучении взаимодействия культур и языков в ойконимии немцев-переселенцев Крыма, составлении историко-этимологического словаря названий немецких поселений с широким привлечением данных таких наук, как география, история, этнография, социология, поскольку одностороннее изучение географических названий не позволяет сделать объективные выводы и открыть важные и интересные факты, касающиеся не только самих ойконимов, но и особенностей культур представителей разных

этносов, принимавших непосредственное участие в формировании топонимической системы Крымского полуострова. Топонимы при грамотном их анализе способны дать разнообразную информацию: об истории заселения края, о миграции народов, о географических особенностях данной территории, о языке той или иной нации, об историческом и культурном развитии этносов, о взаимодействии различных культур и т.д.

Комплексное изучение названий поселений немцев-колонистов позволит внести вклад не только в исследование частных проблем ономастики, но и в общетеоретические положения науки о языке. Результаты данного исследования будут полезны также и для других наук. Ушедшие из активного употребления топонимы представляют значительный интерес для исторической географии, изучающей состояние территории в прошлом, для всего комплекса исторических наук, а также для истории культуры отдельных народов, в особенности тех, чье прошлое недостаточно полно отражено в исторических памятниках письменности и в других источниках [6, с. 8].

Тесное взаимодействие культурологии и ономастики более чем очевидно. Следовательно, изучение топонимической системы того или иного края должно проходить в неразрывной связи с изучением национальных культур народов, проживающих на данной территории, ведь известно, какую большую роль играет культура в историческом развитии каждого народа и в формировании его этнического самосознания. Именно культурная специфика вместе с языком, который ее выражает, должна рассматриваться в качестве главного критерия при разграничении этнических обществ, принявших непосредственное участие в формировании топонимии страны, региона, края и т.д.

В заключении небольшое резюме к проведенному исследованию.

Культура имеет такую же древность, как и само человечество. Существуют, как известно, три основных части культуры: первая из них находится в общественном сознании людей, вторая проявляется в их поведении и действиях, третья – в материальных результатах их деятельности. Вот почему культура играет большую роль в историческом развитии каждого народа, в формировании его этнического самосознания. Но есть и еще одна величайшая роль культуры: ее влияние на окружающий мир – величайшая ценность, составляющая единую мировую культуру народов. В этом непрекращающемся процессе мирового развития определено место каждому народу, каждой этнической группе. Есть в этой структуре и место, которое по праву принадлежит крымским немцам. Несмотря на историческую локализацию, огромные испытания, поставившие под угрозу их выживание, они (немцы) не только сохранили приверженность своим историческим истокам, но и спасли, насколько это было возможно, тот особый и неповторимый менталитет российско-крымского оттенка, который, может быть, и представляет особую, не только этнографическую, но и культурно-историческую ценность в наши дни, когда перед нами стоит труднейшая задача возрождения культуры разных национальностей Крыма.

Литература:

1. Буданова Е. А. Проблема когнитивно-лингвистических моделей переводных эквивалентов в условиях диалога культур//Сборник научных трудов: Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: МГЛУ, 1999. Вып. 444. – С. 15-23.
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
3. Жучкевич В. А. Общая топонимика. – Минск: Вышэйшая школа, 1980. – 288 с.
4. Марковина И. Ю. Новая культура и способы адаптации к ней: современные подходы к проблеме «культурного шока»//Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М.: ММА им. И. М. Сеченова, 1996. – С. 57-66.
5. Мурзаев Э. М. География в названиях. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
6. Суперанская А. В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984. – 182 с.
7. Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исакова Х. Ф. Топонимия Крыма. Часть I: Введение в топонимию Крыма. – М.: Московский Лицей, 1995. – 215 с.
8. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая этнология анализа языкового сознания//Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: МГЛУ, 1996. – С. 7-22.
9. Ясыба А. В. Взаимодействие национальных культур и языков в немецкой топонимии Крыма//Материалы X Международной конференции по функциональной лингвистике: «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации». – Ялта: Доля, 2003. – С. 367-368.
10. Ясыба А. В. Взаимодействие немецкого и тюркских языков в ойконимии Крыма//Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2003. – № 44. – С. 94-100.
11. Ohrt, C. Mehrsprachigkeit – Utopie oder Lebensnotwendigkeit?//Der Internationale Deutschlehrverband. IDV-Rundbrief. – Leipzig: Schubertverlag, 1984. – Heft 60. – S. 5-13.

Поступила 28.09.2004 г.